

УРОКИ ГЕРМАНА ЛОПАТИНА

Владимир Гнеушев

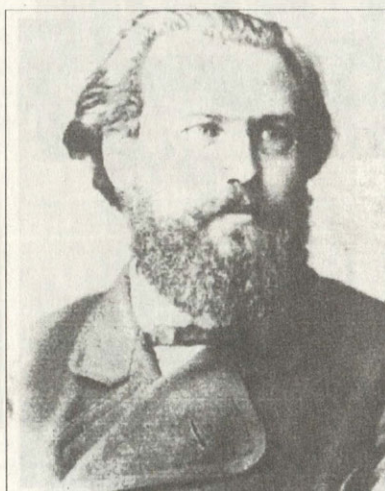
Как домашнее, так и гимназическое воспитание Герман Лопатин получил в Ставрополе. Была уже построена железная дорога на Кавказские Минеральные Воды, оставившая далеко в стороне знаменитый Почтовый тракт, по которому мчались в свое время на Тбилиси, Пятигорск и Кисловодск кибитки путешественников. Еще жива была пассивная энергия русского народа, осознавшего себя как неделимое целое и вставшего на защиту собственной государственности.

Гимназия, во второй класс которой поступил Герман Лопатин, располагалась вначале на углу нынешних улиц Карла Маркса и Розы Люксембург, а через два года перешла в новое просторное здание на нынешней площади Ленина, где впоследствии располагались кадетский корпус и Суворовское училище.

Ставропольская гимназия в те годы, когда ее порог переступил совсем еще юный Лопатин, будущий первый переводчик на русский язык труда Карла Маркса «Капитал», дерзкий беглец из тюрем и ссылок, была вместилищем передовых идей. И хотя в более поздние годы Герман Александрович в одном из писем упомянул о гимназии как о «Бурсе» Помяловского — в этом отзыве проявился, скорее всего, эпатаж, — природная неординарность мышления.

Карл Маркс сказал о Лопатине: «...Очень ясная, критическая голова, веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин». Фридрих Энгельс восторгался: «...Смелый, до безумия смелый».

Максим Горький застал Лопатина уже пожилым: «Впечатление чарующее, ог-

Г.А.Лопатин

ромное, радостное, как будто его-то и ждала с тоской душа лет тридцать. Только один Л.Толстой действовал на мое чувствительное столь грандиозно, только с ним беседуя — чувствовал я такую радость и гордость за человека...»

Лопатину позволена, доступна непрекращающаяся, неомрачаемая лукавством глубинная жизнь русского сознания. Писатель Юрий Давыдов, опубликовавший прекрасные художественно-документальные

книги об этой неординарной личности («Соломенная сторожка», «Герман Лопатин, его друзья и враги»), говорит: «...В провинциях-то и живут люди, рассуждающие серьезно, интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли».

От упоминания в жизни Германа Александровича одного эпизода не удержусь. Речь — о тысячевестном побеге на утлой лодочке-душегубке по Ангаре, через все ее пороги. Первый день побега — 7 августа 1872 года. Все дальше по сибирской реке уходил Лопатин. Уже играла под солнцем веселая рябь, признак мелей-наплывов, верный признак близости не какого-нибудь порога, сокрушенного рекой, но настоящего, сокрушающего. Причаливает наш беглец у деревни. Его спрашивают: «Что нужно?» Отвечает: «Вождя». Спрашивают: «На чем едешь?» Указывает на свою лодку. Быстрые ангарцы пожимают плечами: «На этом чумане никто не возьмется». (Примечательна лопатинская точность и памятьливость: чуман у сибиряков — берестяное лукошко или черпак.)

И все же находится смельчак. Корвин Егор подрядился за полтора рубля и

полштофа зелена вина. Поехали, двинулись к Пьяному порогу. «Шум как от стада быков», — рассказывал Лопатин Горькому. «Вождь» крикнул: «Брось весла! В пороге испугаешься — ложись лицом вниз». И вот уже летят они сквозь рев и свист... «Орел», — сказал, восхищаясь Егором и сорок лет спустя. А тогда «Орел» крестился: «Слава те, Господи, чуть две души не загубил».

Прощаясь с Коровиным, спросил Лопатин — кого, мол, взять вождем, чтобы следующий, Падунский, порог одолеть. Коровин посоветовал: Федора Царапку, колдуна. Колдун иль нет, а он поступил благородно: запросил с беглеца всего-навсего полтинник и отпустил берегом, пешей ногой, один с Падунем управился...

Давно уже покойный, преподаватель Ставропольского пединститута Андрей Васильевич Попов был человеком общительным, студентов любил неподдельно, но не терпел возражений. Он часто общался с молодыми литераторами, особенно тяготившими к исторической теме, беседы вел жарко, азартно, однако заметно было, что ближе других в душе его отмечались те, кто безоговорочно принимал его точку зрения. Именно Андрей Васильевич впервые рассказал нам многие подробности жизни Германа Лопатина. Мы любили его лекции, хотя впоследствии с некоторым стеснением нам приходилось иногда отказываться от излишне политизированных его оценок в духе «Краткого курса». Тем не менее я и сейчас с удовольствием перечитал его статьи о Германе Лопатине, понимая, что здесь от науки, а что от «курса»...

История Ставропольского края столь богата легендарными событиями, что даже далеко не рядовая жизнь Лопатина кажется как бы рядовой легендой. Столько ссылок и тюрем, столько побегов, пересечений границ, встреч с великими людьми этого мира. Такая чудовищная, безоглядная трата энергии, которая все же не бесконечна в отдельной клеточке Вселенной. Начал в конце концов уставать и

Лопатин. Близкие друзья еще видели в нем прообраз «вечного двигателя», но и они начали замечать усталость после восемнадцати лет томления в каменном мешке Шлиссельбургской крепости.

Когда-то Маркс сказал Лопатину после бесед с ним о «Капитале»: «Вы единственный человек, которому я доверил бы популяризировать мою теорию...» И добавил: «Перевод сделан мастерски...» Он знал русский язык настолько, чтобы иметь право сделать это безоговорочное заявление. И полностью принял замечания Лопатина, касавшиеся особенностей экономического развития России. Термин «прибавочная стоимость» известен всем. Но не все знают, что принадлежит он Лопатину. Маркс лишь обессмертил его.

Кто-то сказал: «Старые люди замечательны лишь тем, что они старые». Герцен записал об Огареве — больном и страдающем запоями: «Николай Платонович разрушил себя, но остатки грандиозны...» Молодым он советовал не завешать самооценки, потому что в этом видел возможность возникновения ошибок, которые могут стать трагическими не только для частных лиц...

В судьбе Германа Александровича Лопатина немало совпадений, которые допустимо назвать странными. Например: в декабре 1918 года Герман Александрович лежал в Петропавловской больнице. Он умирал от рака желудка. Но ему хватило сил горько состричь: «Я начал свою сознательную жизнь в Петропавловской крепости, а кончаю ее в Петропавловской больнице...»

Лопатин не очень-то благоволил к Ставрополю, считая его скучным и казенным. Но памятник ему установлен именно здесь, как раз напротив бывшей гимназии, которую он не любил, хотя и проучился в ней немало лет и где получил, уходя, золотую медаль за успехи.

Нет, Герман Лопатин не легенда. В этом слове есть нечто остановившееся. Он — легендарность, которую невозможно представить вне движения, без устремления к высоте, у которой не бывает предела.

Памятник Г.А.Лопатину в Ставрополе

